

ЭЛИОТ ЛИЛИТ

ТЬМА У ТРОНА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Λ57

Иллюстрация на переплете *Тамары Петросян*
Оформление *Анастасии Шукиной*

Лилит, Элиот.
Λ57 Тьма у трона / Элиот Лилит. — Москва : Эксмо,
2026. — 544 с.

ISBN 978-5-04-225730-8

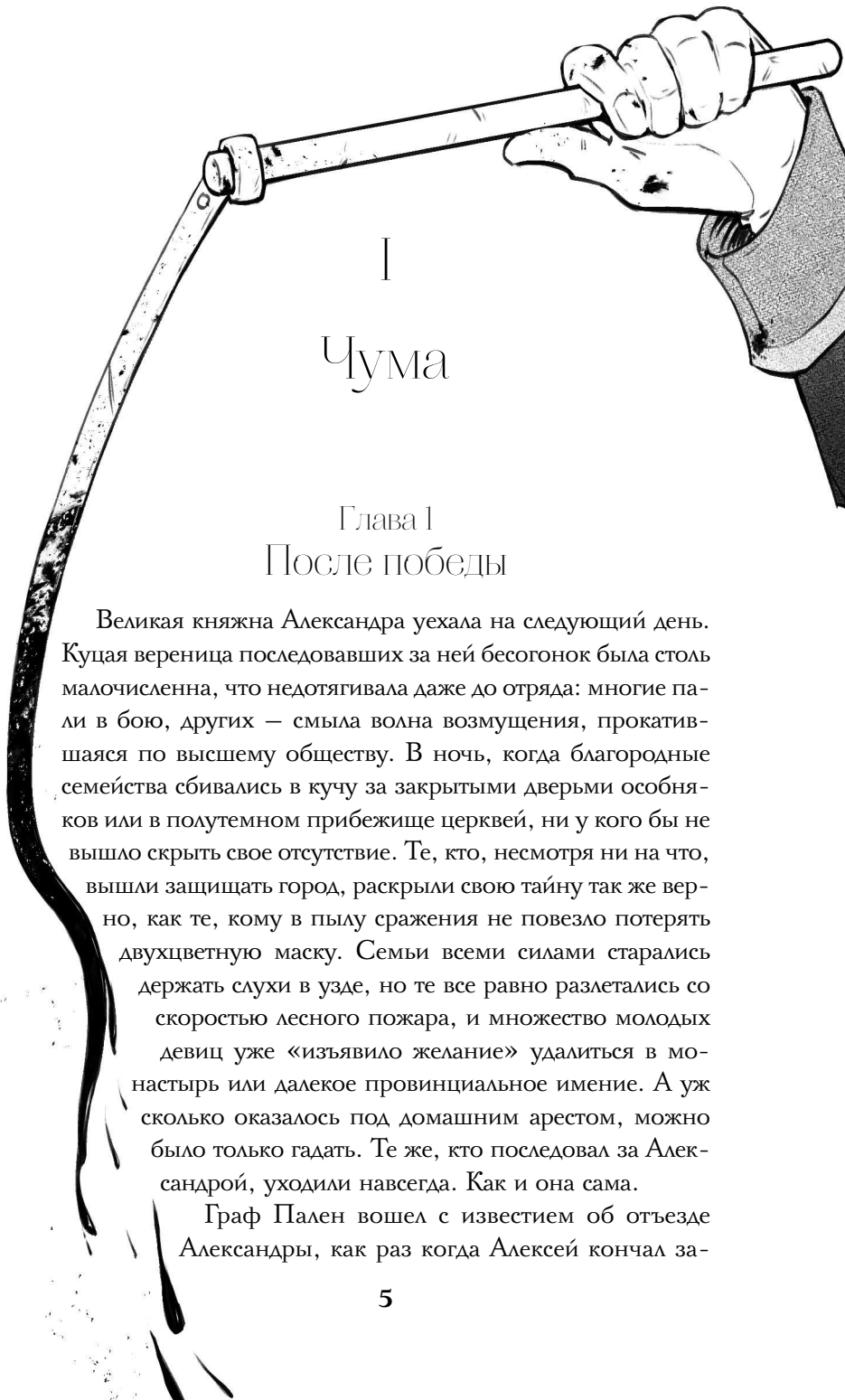
Страшная битва позади, но грозовые тучи, нависшие над Петербургом, не спешат расходиться. В городе новая напасть: тьма с Изнанки овладевает умами своих жертв, их губами предрекая императору Павлу страшную погибель. Защищая его, Алексей готов отдать жизнь, но долг может потребовать от него больше: раскол между императором и его наследником все глубже, и сохранить верность можно только одной стороне.

Все ближе грань веков: время, когда до предела истончается барьер между человеческим миром и миром тьмы. Сможет ли Алексей отвести неотвратимое? И главное — сможет ли не потерять себя?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225730-8

© Лилит Э., текст, 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

I

Чума

Глава I

После победы

Великая княжна Александра уехала на следующий день. Куцая вереница последовавших за ней бесогонок была столь малочисленна, что недотягивала даже до отряда: многие пали в бою, других — смыла волна возмущения, прокатившаяся по высшему обществу. В ночь, когда благородные семейства сбивались в кучу за закрытыми дверьми особняков или в полутемном прибежище церквей, ни у кого бы не вышло скрыть свое отсутствие. Те, кто, несмотря ни на что, вышли защищать город, раскрыли свою тайну так же верно, как те, кому в пылу сражения не повезло потерять двухцветную маску. Семьи всеми силами старались держать слухи в узде, но те все равно разлетались со скоростью лесного пожара, и множество молодых девиц уже «изъявило желание» удалиться в монастырь или далекое провинциальное имение. А уж сколько оказалось под домашним арестом, можно было только гадать. Те же, кто последовал за Александрой, уходили навсегда. Как и она сама.

Граф Пален вошел с известием об отъезде Александры, как раз когда Алексей кончал за-

читывать составленный Толем рапорт о потерях. Император помрачнел так, что стало ясно: до последнего не верил, что дочь в самом деле уедет.

— Ну хорошо же, — процедил он. — Посмотрим, как ей понравится общество замшелых московских стариков или нравы тех, кто живет в глубинке.

Алексей дочитал рапорт. Здесь не было фамилий, только числа. Но за каждой цифрой скрывались надгробие, раздавленная горем семья и дыра в строю. Затыкать эти дыры было нечем.

Император словно прочитал его мысли.

— Скоро вернутся войска фельдмаршала. Первый Консул великодушно пообещал, что и захваченных пленных вернет без выкупа. До тех пор обойдемся подкреплениями из ближайших городов и гвардией.

— Ни в гвардии, ни в войсках за границей нет бесогонов, — заметил Алексей.

— Знаю. — Император отложил перо, которым подписывал бумаги, пока слушал рапорт, и потер виски. — Но с главной угрозой покончено, мы можем позволить себе сократить число патрулей, а гвардия сейчас важнее бесогонов. Цесаревич вчера верно сказал: союз с Францией не понравится многим.

— Вы слишком плохо думаете о своих подданных, ваше величество, — добродушно возразил Пален. На его дружелюбной медвежьей физиономии сияла особенно приятная улыбка. — После такой победы вас будут возносить до небес. Вам бы теперь устроить огромное торжество, чтобы еще больше укрепить этот радостный дух...

Император скривился.

— О каком торжестве может идти речь, когда я потерял двух дочерей и столько хороших людей?

От того, как он ставил Александру в один ряд с погибшей Еленой, Алексею стало не по себе.

— Разумеется, выдержать траур необходимо, — не смутился Пален. — Я понимаю, что сейчас вашему величеству противны мысли о веселье, но нужно ведь думать и о том, как сохранить этот добытый кровью мир.

Император со вздохом отбросил поднятое было перо.

— Тогда вы этим и займетесь. Но не раньше, чем через две недели.

Пален почтительно поклонился.

* * *

Несмотря на исключительные обстоятельства, утренний развод войск проходил как всегда. Александр из-за своего ранения был освобожден от обязанностей, но с Константина и прежде дотошный донельзя император спрашивал даже строже обыкновенного, распекая Измайловский полк за мельчайшие оплошности. Великий князь кривил губы, но не отвечал — понимал, что прекаться с отцом себе дороже.

Аркадий Нелидов, адъютант императора, сегодня держался от него на еще более почтительном расстоянии, чем обычно. Несчастный юноша был бледен и то и дело нервно оглядывался, точно боясь, что его в любую минуту могут арестовать и отправить на гауптвахту. Император же брата своей изгнанной фаворитки не замечал вовсе.

Вчерашние мысли и разговоры теперь казались Алексею блажью. Все осталось прежним: пасмурным и тягостным. Солнце было скрыто непроницаемым пологом туч. Шрам от Разлома исчез. Жизнь вернулась на круги своя.

Когда со смотром было покончено, император велел подать лошадей и бросил Алексею:

— Проедьтесь со мной. Хочу посмотреть, что случилось с городом, но без топчущего позади охранного эскорта.

На первый взгляд казалось, что город живет своей жизнью, будто вчерашнего и не было. Прохожие спешили по делам, колеса карет и копыта лошадей месили снег. Офицеры и чиновники, знавшие императора в лицо, высказывали из экипажей, чтобы отдать ему должные почести, простые же люди не признавали государя во всаднике в простом военном мундире и продолжали думать о своем. Но чем дальше они ехали, тем отчетливее Алексей понимал, что царившее вокруг спокойствие обманчиво. Многие лица покрывала засохшая корка горя и страха, да и полоумных оборванцев, скитавшихся по переулкам, как будто стало больше. И взгляды у всех были какие-то ошалевшие... Бесов простые люди не видели, но, как кошки, чуяли в воздухе что-то темное и тревожное, так что едва ли кто-то из них спал спокойно прошлой ночью. И конечно, там, где разломные твари в первую же минуту смели солдатские заслоны, они принесли на своих крыльях смерть. Приказ горожанам скрываться в церквях был отдан, когда битва уже началась, так что Алексей не сомневался: ближайшие к разлому дома доверху набиты обугленными трупами. Хорошо хоть он больше не комендант — пусть Пален с Долгоруковым разбираются, куда девать все эти тела.

И все-таки кое-где нет-нет да раздавались радостные восклицания. Из распахнутых дверей трактира донесся громогласный тост за здоровье императора, божьей силой спасшего их от французских нехристей. Откуда те взялись посреди столицы, оратор умалчивал. Император, услышав это, усмехнулся.

— Если мы вчера еще и каких-то французов побиили, то надо в этом месяце выдать солдатам двойное жалование. Проследите за этим, граф.

Алексей до того не привык к новому титулу, что чуть было не закрутил головой в поисках того, к кому его величество обращался.

Они свернули к реке, и лошади зацокали по камням набережной. Редкие льдинки пухли на Мойке, как сгустки жира в бульоне. Не отрывая глаз от воды, император сказал:

— Граф Орлов вчера погиб.

Алексей встрепнулся.

— Разве он участвовал в битве?

— Не должен был. Когда-то он учился в вечернем классе, но при моей бабушке и уж тем более при матери силой в черно-белую гвардию никого не ташили. Ну а я не желал видеть в своих войсках убийцу моего отца, да и стар он уже был для военной службы. — Император прикрыл глаза, такие же серые, как наледь на плитах набережной. — Они с дочерью были в фамильном особняке, нашли убежище в домово́й церкви. Но когда бесы вырвались из разлома, Орлов выбежал на улицу со шпагой и погиб в бою.

— Это... храбро, — сказал Алексей, хотя, возможно, правильнее было сказать «глупо». Что взбрело в голову цареубийце, чтобы тот решился на такой самоубийственный поступок? Неужели искал искупления грехов?

— Храбро, — не стал спорить император. — Прожить жизнь достойно он не сумел, но хоть умер доблестно. Только дочь его жаль. Тяжело это — стоять на похоронах своего отца.

Алексей сглотнул. Он это испытал на своей шкуре.

Император обернулся к нему:

— Покажите-ка вашу шпагу.

Алексей недоуменно повиновался.

Император, придержав лошадь, наклонился, разглядывая клинок. Щелкнул по нему пальцем, прицокнул языком.

— Заряда в ней почти не осталось. Вам нужна новая — эта в любой стычке может не выдержать.

Алексей подскочил в седле.

— Не может быть, чтобы уже! — вырвалось у него.

— Вы сами знаете, дольше четырех месяцев холодное оружие из освященной стали обычно не служит. То, что эта шпага не подводила вас так долго, заслуга всех церквей и соборов, где ее освящали. Но даже у такой мощной закалки есть срок.

— Но... — Алексей чуть было не брякнул «но она же особенная!». Да, шпага была особенной — для него. От этого она не поднималась над законами природы.

Император взгляделся в его искажившееся лицо.

— Чего это ты? Уж для тебя-то сыщем шпагу не хуже. А если Мальта снова станет нашей, то, может, оттуда пришлют что-нибудь особо выдающееся.

Сокровища госпитальеров Алексея не интересовали.

— Ничего, ваше величество, просто... Эта шпага мне столько раз жизнь спасала, обходиться без нее будет трудно.

— Разве это причина? Оружие на то и оружие, чтобы жизнь хозяину спасать, а как износится, пойти на переплавку. Если дело только в этом...

— Не только, — выдавил Алексей сквозь душащее смущение. — Это подарок вашего величества. Он мне очень дорог, и мне нравится иметь его при себе.

Секунду император молчал. Потом его глаза довольно блеснули.

— Ну так бы сразу и сказал, — приподняв уголки губ, он вернул Алексею шпагу. — Тогда посмотрим, что можно сделать. Церковь повторным освящением не занимается, но я спрошу у графа Литте — быть может, у госпитальеров есть свои способы.

Алексей вложил шпагу в ножны и послал лошадь вслед за тронувшимся в путь императором.

«Нелидова права, — подумал он, чувствуя, как распирает грудь молчаливая светлая благодарность. — Конечно же, он добрый — даже от таких мелочей не отмахивается...»

Если бы только его величество с Александром верили друг другу больше...

Когда на обратном пути лошади миновали Дом вольного экономического общества, рядом остановился едущий мимо экипаж. Алексей ожидал привычного ритуала приветствия, но выпрыгнувший из кареты мужчина крикнул:

— Ваше величество, я вас весь день ищу!

Это был лорд Уитворт.

Они остановили лошадей. Если смотреть на него с седла, английский посланник уже не казался таким высоким и напыщенным. Надменную чванливость сегодня заменило взволнованное раздражение.

За его спиной в глубине кареты сидела женщина с надменно вздернутым подбородком, и не подумавшая вылезти вслед за своим спутником. Приглядевшись к ее точеному профилю, Алексей признал госпожу Жеребцову.

— Искали? — удивился император. — Зачем? Вы забыли, как испрашивать аудиенции?

Уитворт ответил хмурым взглядом.

— Если слухи правдивы, генерала Бонапарта вы не заставляли испрашивать аудиенции.

— Первого консула Бонапарта, — поправил император. — Согласитесь, правители стран общаются между собой по иным правилам. Но говорите, если вам так угодно. Я слушаю.

Уитворт подождал, не сойдет ли император на землю, но тот остался в седле. Помрачнев еще сильнее, Уитворт вздернул подбородок.

— Так это правда? Ваше величество заключили мир с Францией?

— Официального объявления еще не было. — Император поднял глаза к пасмурному небу. — Но если вам так важно знать, да. Боевые действия будут прекращены, а наша армия — возвращена назад. Господин первый консул оказал мне неоценимую услугу, я считаю своим долгом ответить ему той же любезностью.

— И вы так запросто нарушаете прежние договоренности? — Уитворт точно не верил своим ушам.

— Я нарушаю договоренности? — император сверкнул глазами. — Страны коалиции не оказали моим заграничным войскам и десятой доли поддержки, которую обещали! А уж вам и вовсе легко говорить — вы, англичане, разбрасываетесь золотом, но не людьми. Если думаете, что, отсиживаясь на своем острове, можете попрекать меня тем, что я недостаточно усердно воевал, вы так же глупы, как госпожа Жеребцова, которая думает, что я не разгляжу ее в полумраке этой кареты. Вы, Ольга Александровна, верно, забыли, как полагается приветствовать своего императора?

Силуэт в карете вздрогнул, и из сумрака вынырнула женщина, облаченная в серебристое платье из дорогого шелка. На ее лице одновременно читались опаска и приторная любезность. Ступив на талый снег, Жеребцова присела в глубоком реверансе.

— Извините, ваше величество, — выдохнула она, хлопая ресницами. — Я задремала прямо в карете, можете себе это представить?

— Очень неосмотрительно с вашей стороны, — заметил император без улыбки. — Правила одинаковы для всех. Я вправе приказать арестовать вас за неуважение к государю.

Жеребцова побледнела. Мимо как раз проходил отряд гвардейцев, пришедших сменить караул.

— Вы, надеюсь, шутите, — вмешался Уитворт, хмуря брови. — В Петербурге теперь и женщин на гауптвахту отправляют?

Его величество ведь известен своими легкомысленными остротами...

— Отчего же не отправлять? Женщины — такие же мои подданные, как и все прочие. Или Ольга Александровна успела принять подданство Англии?

Выпад был лишен изящества, но Алексею и самому порядком надоело коченеть под зимним ветром. Ладно бы ради чего полезного, а тут — чванливый англичанин да сестра проклятых Зубовых, которая в ногах у его величества валяться должна за то, что тот не выслал ее вместе с братьями. И у них еще хватает наглости изображать оскорбленное достоинство...

— О нет, — отрывисто произнес Уитворт. — В том, что вы не делаете скидок женщинам, я имел возможность убедиться еще вчера.

Алексей не сразу осознал, что именно тот имеет в виду, но когда понял — несколько секунд был уверен, что император сейчас же затопчет английского посланника насмерть.

Вместо этого тот, сузив глаза, крикнул:

— Господа гвардейцы!

Патруль тотчас повернулся, готовый исполнить любое повеление. Император холодно улыбнулся.

— Будьте добры арестовать госпожу Жеребцову. Я начинаю подозревать ее не только в неуважении к государю, но и в опасных связях. Поручите ее заботам полицмейстера Чулкова.

Не дожидаясь ничьей реакции, он пустил лошадь к дворцу. Алексей поскакал следом. За спиной слышались шумные препирательства, но едва ли они могли чем-то помочь. Оглядываться Алексей не стал, однако от вопроса не удержался:

— Ваше величество, вы в самом деле собираетесь посадить ее в крепость?

Император поморщился.

— Разумеется, ее отпустят еще до ночи. Но если она хоть вполовину так же труслива, как ее братья, это отучит ее клевать носом рядом с императорским дворцом. Я дурак, что сразу не избавил себя от всего их семейства. — Он помрачнел. — А может, я дурак, раз на пятом десятке, уже вступив на престол, не могу забыть обиды, нанесен-

ные мне в угоду моей матери. И как тут быть великим государем, если так и так окажешься шутом?

Алексей не сдержал удивления.

— Никто не посмеет назвать ваше величество шутом ни за проявленное милосердие, ни уж тем более за то, что вы не прощаете мерзавцам старых прегрешений!

— Да какие там прегрешения? — император фыркнул. — Так, мелкие пакости. Самому смешно от того, что до сих пор помню, как однажды имел неосторожность согласиться в чем-то с Платоном Зубовым, а тот всему столу объявил, что в таком случае, должно быть, сморозил страшную глупость. Такое незачем помнить, а я помню. Разве не глупо?

— Я вашему величеству не судья, — Алексей отвел глаза. — Но я вот помню в лицо каждого, кто поколачивал меня в кадетском корпусе.

«И слишком многие из них — все еще живут припеваючи».

— Да? — заинтересовался император. — А прогнал бы ты их всех со службы, будь это в твоей власти?

— Нет, ваше величество. — Они подъехали к крыльцу и спрыгнули в слякоть. — Если люди толковые — пусть гнут спины.

«И смотрят, как высоко вознесся я».

— Да были б толковые, — хмыкнул император.

И зашагал к лестнице.

Своих покоев цесаревич не покидал, на обедах и ужинах не присутствовал. Алексей надеялся, таковы были распоряжения лекаря, а не императора, но спрашивать, так ли это, боялся. Выходило, что осведомиться о здоровье Александра можно было только лично, но дел навалилось столько, что улучшить минутку удалось только через неделю.

Александр сидел в кресле и читал что-то в бледном свете туманного дня. Больная нога покоилась на бар-

хатной подушке, и приветствовать гостя ему пришлось сидя.

— Ты все-таки обо мне не забыл, — Александр улыбнулся, но как-то вяло. Может, лекарь поил его дурманыщими снадобьями. — Садись, что на пороге стоять? Можем вместе почитать.

Алексей опустил на соседнее кресло и заглянул в дряхлую рукопись, поглотившую внимание Александра.

— Что это?

— Протокол допроса царевича Алексея. Видишь? Здесь подписался Петр Андреевич Толстой и сам Петр Великий.

— Зачем вы это читаете?

— Его величество прислал, — улыбка Александра трещала по швам. — С припиской, что из этого чтива я извлеку больше пользы, чем из трагедий Вольтера. Пока что извлекаю только то, что под пытками из человека можно вытащить любое признание.

По загровку прошелся холодок. Алексей открыл рот, чтобы подобрать оправдание, но не сразу нашел. Даже если это шутка, то слишком злая.

Помявшись, он выжал:

— Его величество просто предостерегает вас от новых необдуманных поступков. Вы же знаете, он никогда бы не поступил с вами так, как Петр Великий — со своим сыном. Да и Тайная Экспедиция уже не пытается людей.

Чего уж там, хотя вначале своего правления император велел установить на площадях виселицы — мрачное напоминание для тех, кто помышляет нарушить закон, — за эти два с половиной года никого еще не приговорили к смерти. Нет, император бы никогда...

Александр стеклянно рассмеялся.

— Какой хороший воспитательный прием. Странно, что бабушка не включила его в свое наставление о том, как полагается воспитывать детей.